

Карин Андерсон

Фантастическая новелла

Копыта Иратсабала украшали бронзовые подковы, как и приличествует вождю, а густые пряди светло-гнедых волос удерживались на макушке с помощью золотых шпилек. Во время утренней битвы волосы у него были заколоты деревянными шпильками — золотые плохо держались. Ради торжественного случая он облачился в плащ из шкуры зубра, выкрашенной в голубой цвет соком вайды. Застежки плаща были из кованого железа.

Приблизившись к лагерю людей, Иратсабал поднял копье высоко над головой, чтобы все могли увидеть зеленые ветки, привязанные к бронзовому наконечнику. Его появление было встречено глубоким молчанием, и только дозорный, жевавший ячменную лепешку, что-то невнятно буркнул и ткнул пальцем в сторону царского шатра.

Кинфидий, стоявший перед своим шатром, смерил кентавра неприязненным взглядом — от нечесаных косм, в которых сверкали золотые шпильки, до грязной повязки на левой задней бабке. Потом он досадливо передернул плечами, расправляя складки плаща, выкрашенного морским пурпуром. Под плащом на нем был хитон из тонкого белого полотна.

— Привет тебе, благороднейший Иратсабал! — сказал он с поклоном. — Не войдешь ли ты в мой шатер?

Кентавр неуклюже поклонился в ответ.

— С радостью, благороднейший Кинфидий, — ответил он, и человек вдруг с некоторым удивлением заметил, что кентавр выше него только на два пальца.

В шатре было темнее, чем снаружи, хотя там — большая роскошь! — горело целых три светильника.

— Надеюсь, твой обед был сытным? Не хочешь ли откусать у меня? — учтиво спросил Кинфидий, с некоторым страхом ожидая согласия. Печеный ячменный хлеб кентавр есть не станет, а что до вина... ни в лагере, ни в его окрестностях вина не отыскалось бы ни капли. И плохо пришлось бы тому, кто вздумал бы его найти!

— Ты очень радушен. Но я сыт, — сказал Иратсабал. — После битвы мы нашли двух мертвых... э... диких быков и вдосталь наелись мяса.

Кинфидий нахмурился. Потеряны еще два упряжных вола... Ну, да если на то будет милость Матери Хлебодательницы, войне скоро придет конец. Может быть, даже сегодня вечером...

— Не желаешь ли... э... присесть? Или прилечь? Располагайся как тебе удобнее.

Иратсабал опустился на землю, поджав под себя ноги, а Кинфидий с облегчением сел на стул с кожаной спинкой. Он уже опасался, что переговоры придется вести стоя.

— Должен признаться, вы сегодня отлично бились, хотя все вы такие щуплые, — сказал кентавр. — Да и всегда вы сражаетесь не хуже. Если мы с вами не поладим, то кончим тем, что истребим друг друга.

— Мы тоже так думаем, — сказал человек. — Все тар-тесские цари, а также все общины до самых границ Фракии поручили мне договориться с вами на разумных началах. Ты ведь можешь отвечать за поведение здешних кентавров?

— Более или менее, — Иратсабал хлестнул хвостом по повязке, отгоняя мух. — Я управляю почти всеми землями до Гойкокоа Этчеа — до Пиренских гор, как говорите вы, люди. А в другую сторону — до самого Внутреннего моря. Тут кочуют еще пять племен, кроме моего, но они нас слушаются — мы с закрытыми глазами можем задать хорошую трепку им всем, вместе взятым. Ну, скажем, акроцерании мне не подчиняются, но они меня знают, и я посоветую им согласиться, если они не хотят иметь дела сразу и с моими воинами, и с вашими. Только до этого не дойдет, я выговорю для них хороший кусок.

— Не забудь одного: если общинам не понравятся обещания, которые я дам от их имени, они не станут их выполнять, — сказал человек и погладил завитую каштановую бороду. До чего же мерзко пахнет кентавр! Воняет, как старая попона. Если уж он не хочет совершать омовений, то мог бы хоть умащивать тело благовониями!

— Прежде всего следует рассмотреть причины этой войны, — добавил он вслух. — А затем и способы, которыми можно уладить спор.

— Я смотрю на это так, — начал кентавр. — Вы, люди, селитесь на одном месте и объявляете, что вся земля там — ваша. А мы не понимаем, как это земля может принадлежать кому-нибудь.

— Война родилась, — сказал Кинфидий, сдерживая раздражение, — из ссоры, вспыхнувшей на свадебном пиру.

— Это было только последней каплей, — возразил Иратсабал. — И раньше происходило много мелких стычек. Помнится, я сам как-то бежал по дубраве в дождливый день, думал, как бы разжиться оленинкой, и нюхал запахи, какие бывают, только когда все кругом мокрое. Я даже не заметил, как очутился на вырубке, засаженной травой, которую вы едите. На копыта мне сразу налипла грязь, а ваши прирученные волки давай хватать меня за ноги. Еле вырвался от них — ну и прикончил парочку, а тут уж люди прибежали, бросают копья и вопят «убирайся!» на каком-то неведомом наречии. Они, наверное, воображали, что говорят по-эскуарски.

— Нам приходится держать сторожевых собак и ставить

у полей вооруженную охрану, а не то нам нечего будет жать!

— Полегче, полегче! Я ведь просто объясняю тебе, что у этой войны причины посерьезней глупой драки, которую затеяли на свадьбе перепившиеся дураки. А они не перепились бы, если бы вино держали от них подальше. Тут и вы виноваты не меньше нас.

Человек гневно привстал, но вовремя спохватился. Нужно положить конец войне, а не раздувать ее заново.

— Ну, как бы то ни было, а нам трудно ужиться. Люди и кентавры слишком уж непохожи друг на друга.

— Мы по-разному смотрим на вещи, — согласился Иратсабал. — Стоит вам увидеть прогалину, как вы уже думаете только о том, как бы ее распахать. А для нас это — оленье пастбище, место, где гнездятся фазаны и роют норы кролики. Там, где появляются поля, пропадает дичь.

— А почему вы не можете охотиться где-нибудь подальше от полей? — спросил Кинфидий. — Нам же надо кормить наши семьи — малых ребят и дряхлых старцев. И нас так много, что мы не могли бы прожить одной охотой, даже если бы дичи было втрое больше, чем сейчас.

— А где же нам охотиться? — пожал плечами кентавр. — Ведь мы кочуем, и каждый раз, когда мы возвращаемся на старые места, оказывается, что долин распаханно больше, чем прежде, деревьев срублено больше, а поля поднялись выше по склонам. Даже в Гойкокоа Этчеа, на родине моего племени, начали появляться маленькие поля, — сизая струйка чада, завивавшаяся над светильником, попала в ноздри кентавра, и он презрительно фыркнул. — Овечий жир! На лугах теперь пасутся не олени, а овцы — мальчишка пищит на дудочке, а кругом рыскают собаки.

— Если вы выберете себе одну какую-нибудь область, земледельцы туда не пойдут, — сказал Кинфидий. — Но не в нашем обычае оставлять землю нераспаханной только потому, что кто-то намерен там охотиться, когда настанет следующая осень.

— Хоть Гойкокоа Этчеа и велика, она не может кормить нас круглый год! Нам нужно вдесятеро больше простора — а если ты имеешь в виду еще и Скифию с Иллирией, так и в сто раз больше.

— Сам я живу в Фессалии, — сказал Кинфидий, — и, конечно, не могу не думать об Иллирии. Мы, люди, хотели бы, чтобы вы, кентавры, вообще переселились из Ев-

ропы в Азию или куда-нибудь еще. Почему бы вам не перебраться в Сарматию и дальше к востоку? В тамошних пустынных степях никто не живет.

— Сарматия! Может быть, пахарю она и покажется пустынной, но я кое-что слышал от скифских кентавров. Туда двинулись ахейцы — настоящие великаны, и у каждого по двадцать коней, которым ничего не стоит съесть на завтрак тебя или меня. Эти ахейцы способны скакать на своих конях всю ночь, весь день сражаться. Клянусь Ейню, я предпочту держаться от них подальше.

— Ну уж в Африке-то никто не живет! Так поезжайте туда, — предложил человек.

— Если бы мы и могли все туда переправиться...

— А почему бы и нет? У нас есть корабли. Чтобы перевезти вас всех, понадобится не меньше двух лет, но...

— Если бы мы туда и переправились, нам бы там не понравилось. Неподходящее место для кентавра! Жара, сушь, дичи мало... Нет уж, спасибо. Но вы согласны отвезти нас в какое-нибудь другое место?

— Да, в любое! То есть в разумных пределах. Назови его.

— Перед тем как война разгорелась вовсю, у меня был приятель — юноша, ходивший в одно из тех плаваний, для которых вы постоянно снаряжаете корабли. Он рассказывал, что побывал в местах, где водится множество разной дичи и где даже растут священные поганки.

— Поганки? Чтобы варить из них яд? — воскликнул Кинфидий, и его рука невольно коснулась аккуратно перевязанной раны в боку.

— Яд! — Иратсабал склонил голову и расхохотался в густую гнедую бороду. — Яд из поганок! Это ж надо придумать! Нет, мы их едим. Горячим кровью в праздник Лунных плясок, как вы, люди, этим своим вином. Никак не могу понять, зачем вы пьете дрянь, от которой наутро голова разламывается.

— Надо знать свою меру, тогда и голова болеть не будет, — наставительно сказал Кинфидий. — Но какое место ты имеешь в виду?

— Мой приятель говорил, что людям оно мало подходит, зато кентаврам наверняка понравится. Только горы с лугами по откосам, и никаких тебе равнин. Там негде сеять этот ваш ячмень. Вот вы отдайте нам эту землю, раз все равно не будете ее заселять.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Погоди-ка! Уж не о последнем ли плавании Киприя ты говоришь?

— Да, мой приятель плавал на его корабле.

— Нет, клянусь Матерью Хлебодательницей! Как я могу уступить вам эту землю? Нам же о ней пока самим ничего не известно. Вдруг там столько олова и янтаря, что больше не надо будет плавать в Туле? А может, там есть жемчуг или пурпурницы? Ведь мы даже не знаем, что вам отдаем!

— Но, может, там вовсе нет никаких богатств! Разве Киприй говорил, что видел там олово или жемчуг? Его матросы что-то про это не слыхали. А мы поедем либо туда, либо нигуда — это мое последнее слово. Мне ведь стоит только кивнуть, и война снова начнется.

Человек вскочил. У него даже губы побелели от гнева.

— Ну так начинай войну! Пусть мы до сих пор и не побеждали, но и поражений не терпели!

Иратсабал рывком поднялся с земли.

— В битвах вы нам не уступаете, не спорю. Но погодите! Мы умеем воевать и по-другому. Ночью мы будем вытапывать ваши поля, днем нападать на вас из засады. Вы не посмеете подходить к лесу ближе, чем на полет стрелы. Мы будем гонять по полям ваших овец, пока они не исхудают, а на поле не останется ни единого колоса. Вы не соберете с них ни зернышка, кроме тех, которые успеете сорвать и сжевать убегая. Полны ли у вас житницы, Кинфидий? Сумеете ли вы дотянуть до следующей весны и сохранить зерно для нового посева?

Человек тяжело опустился на стул.

— Вы нашли наше уязвимое место. Такой войны мы не выдержим. Но как я могу обещать землю, которая мне не принадлежит? Ею могут распоряжаться только те, кто дал Киприю корабли.

— Заплатите им зерном, которое останется целым на полях. Или еще что-нибудь придумайте. Мы вовсе не хотим чинить вам лишние затруднения и, если нужно, добавим от себя оленьих и турьих шкур, сколько понадобится.

Кинфидий поднял голову.

— Ну хорошо, Иратсабал, — сказал он устало. — Мы отдаем вам Атлантиду.

Перевела с английского И. ГУРОВА

